РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ

Выпуск 3

К 80-летию со дня рождения
С.Г.Агаджанова

Москва
2009

СОДЕРЖАНИЕ

Документы

А.С.Каревин (Киев)

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА В МАЛОРОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАЧАЛА XX в.

В 2007 г. исполнилось 100 лет со времени начала полемики по языковому вопросу в кругах деятелей украинского движения. В современной Украине этот юбилей предпочли «не заметить», что, в общем, не удивительно. В результате тогдашней дискуссии были выявлены такие подробности происхождения и развития украинского литературного языка, о которых многие ныне не хотят вспоминать. Задачей настоящей статьи является освещение хода вспыхнувших тогда дебатов о языке и выявление результата этих споров.

Причиной полемики стало катастрофическое положение украиноязычной прессы в Малороссии. После отмены в 1905 г. запрета на печатание в Российской империи периодических изданий на украинском языке, во многих малороссийских городах были основаны украиноязычные газеты и журналы. По замыслу руководителей украинского сепаратистского движения (М.С.Грушевского и др.), эти органы прессы должны были вызвать огромный интерес у малоросского населения (истосковавшегося якобы по изданиям «на родном языке»), что способствовало бы осознанию малороссами себя отдельной от великорусов, самостоятельной нацией.

К созданию украиноязычной периодики были привлечены лучшие (из имевшихся в украинстве) творческие силы. В это дело вкладывались и значительные финансовые средства. Но ожидаемого результата не получилось.

«В начале 1906 г. почти в каждом большом городе

Украины начали выходить под разными названиями газеты на украинском языке, – вспоминал впоследствии активный участник украинского движения Ю.Сирый (Тищенко). – К сожалению, большинство тех попыток и предприятий кончались полным разочарованием издателей, были ли то отдельные лица или коллективы, и издание, увидев свет, уже через несколько номеров, а то и после первого, кануло в Лету»[1].

«Украинские периодические издания таяли, как воск на солнце», – свидетельствовал другой известный националист, М.М.Еремеев[2].

Причина неудач заключалась в самом украинском языке, на котором издавались новые газеты и журналы. Стоит напомнить, что для большинства тогдашних малороссов родным был другой язык – русский. Русский литературный язык изначально формировался как общерусский, общий для всей исторической Руси, в том числе и для той ее части, которая называлась Малой. Вклад малороссов в развитие этого языка был огромен. Поэтому и воспринимался он тут как свой. Разумеется, необразованные и малообразованные малороссы (как, впрочем, и великороссы) употребляли не литературные, а просторечные формы. Однако, последние немногим отличались от русского литературного языка. К тому же словарный запас их ограничивался минимумом, необходимым в быту. Если возникала потребность затронуть в разговоре тему, выходящую за рамки обыденности, недостающие слова простолюдины черпали из языка образованного общества, т.е. из того же русского литературного.

Все это очень не нравилось деятелям украинского движения (украинофилам). Задавшись целью создать из малороссов самостоятельную (отдельную от великороссов) нацию, они пытались создать и неотъемлемый

атрибут европейской нации – самостоятельный литературный язык. Попытки эти, ввиду своей искусственности неизменно заканчивавшиеся неудачей, постепенно были перенесены на галицкую почву. Там, в Галиции, за границами Российской империи, где русский литературный язык не имел большого распространения и, следовательно, меньше ощущалась ненужность другого языка, филологические усилия украинофилов при поддержке австрийского правительства (усмотревшего в этом политическую выгоду) увенчались некоторым успехом. К началу XX в. украинский литературный язык был создан, и теперь деятели украинского движения поставили себе целью распространить его на всю Малороссию.

Благоприятный для целей украинства момент настал, как казалось, после событий 1905 г. в России. Этим и объяснялась начавшаяся языковая экспансия. Однако украинский литературный язык из-за обилия в нем заимствований из польского, немецкого, других иностранных языков, а также множества выдуманных («выкованных», как тогда выражались) слов оказался чужим народу. Он еще мог существовать в Галиции, где русины жили бок о бок с немцами и поляками. За пределами австрийских владений ситуация была иной.

«Помимо того маленького круга украинцев, которые умели читать и писать по-украински, для многомиллионного населения российской Украины появление украинской прессы с новым правописанием, с массой уже забытых или новых литературных слов и понятий и т.д. было чем-то не только новым, а и тяжелым, требующим тренировки и изучения», – отмечал Ю.Сирый[3].

Но «тренироваться» и изучать новый язык малороссы не желали. В результате украиноязычная периодика практически не имела читателей. Например, одна из самых крупных газет на украинском языке – «Рідний

край» («Родной край»), по данным того же Ю.Сирого (вероятно, завышенным), имела всего около двухсот подписчиков. «И это в то время, – добавлял он, – когда такие враждебные украинскому движению и интересам украинского народа русские газеты, как “Киевская мысль”, “Киевлянин”, “Южный край” и т.д., выходившие в Украине, имели огромные десятки тысяч подписчиков и это подписчиков – украинцев, а такие русские журналы, дешевого качества, как “Родина”, “Нива” и т.д., выходили миллионами экземпляров и имели в Украине сотни тысяч подписчиков»[4].

«Жалко, что бедные люди моего села не хотят и знать о таких газетах, как ваша... – жаловался в письме в украиноязычную газету “Громадська думка” (“Общественная мысль”) один из участников сепаратистского движения. – Они влюбились в “Свет” и “Киевлянин” и другие черносотенные»[5]. «Всем известно… с каким недоверием относятся крестьяне к украинской книжке»[6], – сокрушался другой «национально сознательный украинец». «Свои духовные потребности большинство украинцев удовлетворяет русской литературой, – констатировала украиноязычная газета “Сніп” (“Сноп”). – Когда же спросишь: “Почему это вы читаете русскую? Разве ж на украинском языке нет журналов или газет соответствующей ценности?”, то услышишь такой ответ: “Я не привык читать по-украински”»[7].

Не помогли украиноязычным периодическим изданиям ни регулярно печатаемые в них указания о том, как надо читать ту или иную букву украинского алфавита, ни разъяснение значения новых слов. «Омоскаленное ухо тогдашних украинцев из-за Днепра не переваривало “галицкого языка Грушевского”», – со злобой писал потом известный националист В.Королив-Старый[8]. Впрочем, сами националисты тоже признавали язык, на

котором печатались их газеты и журналы, неудачным. «То, что выдается теперь за малороссийский язык (новыми газетами), ни на что не похоже, – возмущался, например, известный литературный критик, "щирый" украинофил В.Д.Горленко. – Конечно, эти господа не виноваты, что нет слов для отвлеченных и новых понятий, но они виноваты, что берутся за создание языка, будучи глубоко бездарны. Я получаю полтавский "Рідний край" и почти не могу его читать»[9].

«Язык нашей газеты для них (малороссов. – *А.К.*) совсем чужой, им возмущаются и люди, которые искренне хотели бы, чтобы развивалась наша пресса», – сознавался в частном письме издатель «Громадской думки» Е.Х.Чикаленко[10]. Подобными признаниями была переполнена переписка деятелей украинского движения. Многие из этих деятелей обращались к лидеру движения М.С.Грушевскому с жалобами на неудачно созданный язык, просили принять меры к исправлению сложившегося положения. Но вождь украинства, сам много потрудившийся над сочинением данного языка, не желал признавать ошибки и кардинально что-то менять.

Между тем украиноязычная пресса продолжала чахнуть, что доводило многих сепаратистов до отчаяния. В конце концов, недовольство «языком Грушевского» выплеснулось за пределы частной переписки и разговоров.

«Сор из избы» решился вынести известный украинский писатель И.С.Нечуй-Левицкий. Ярый сепаратист, убежденный в необходимости распространения нового языка в противовес русскому литературному, Нечуй-Левицкий тяжело переживал фиаско украиноязычной печати. Но все его попытки повлиять на Грушевского, убедить того как-то скорректировать процесс формирования украинского литературного языка не увенчались успехом. Это и

побудило писателя выступить публично.

Свои взгляды И.С.Нечуй-Левицкий изложил в статье «Современный газетный язык на Украине», опубликованной в первых трех номерах журнала «Україна» за 1907 год, а позднее в книге «Кривое зеркало украинского языка», изданной в 1912 г. Он протестовал против искусственной полонизации украинской речи, замены в контролировавшихся националистами печатных изданиях многих народных (т.е. употреблявшихся простым народом) слов иноязычными заимствованиями или выдуманными (причем выдуманными неудачно) неологизмами. Писатель приводил множество примеров такой замены (любопытно, что большинство указанных им заимствований и неологизмов все равно вошли в украинский язык и ныне считаются исконными украинскими словами).

Другой претензией, выдвигаемой Нечуем-Левицким к разработчикам украинского литературного языка, являлась замена ими буквы «с» в предлогах и приставках на букву «з» (по польскому образцу), замена приставки и предлога «од» на «від», замена окончания «-ть» на «-ти», поскольку такие замены также существенно видоизменяли слова, делая их непонятными для читательской публики. (Например, народное слово «одкрыть» печаталось в украиноязычных изданиях как «відкрити», слово «одгонять» – как «відгоняти» и т.п.).

Крайне возмущало писателя и введение под польским влиянием новых падежных форм (например, «для народу», «від синоду», «без закону», «з потоку», «такого факту», в то время как у простых украинцев принято говорить: «для народа», «от синода», «без закона», «с потока», «такого факта»). Не соглашался он и с реформой правописания (введением апострофа и буквы «ї»).

Нечуй-Левицкий пояснял, что причиной языковых

новшеств стало стремление Грушевского и его подручных сделать новый литературный язык как можно более далеким от русского. «Получилось что-то и правда, уж слишком далекое от русского, – замечал видный литератор, – но вместе с тем оно вышло настолько же далеким от украинского»[11].

Писатель настаивал, что украинский литературный язык следует создавать на основе приднепровских народных говоров, а не говора галицкого, «переходного к польскому языку»[12]. Язык же, сочиненный Грушевским с помощниками, являлся, по мнению Нечуя-Левицкого, «смешным, чудным и непонятным», «чертовщиной под якобы украинским соусом»[13], отпугивающей широкую публику от украинской литературы.

Выступление известного писателя вызвало в среде украинских националистов шок. На Нечуя-Левицкого невозможно было навесить ярлык «великорусского шовиниста» или «объянычарившегося малоросса», объяснить его выступление интригами «врагов Украины». Нельзя было и замалчивать его статьи. М.С.Грушевский вынужден был оправдываться, признавать, что насаждаемый им на Украине язык действительно имеет недостатки, «много в нем такого, что было применено или составлено на скорую руку и ждет, чтобы заменили его оборотом лучшим». Однако вождь украинства тут же заявил, что игнорировать этот «созданный тяжкими трудами» язык, «отбросить его, спуститься вновь на дно и пробовать, независимо от этого "Галицкого" языка, создавать новый культурный язык из народных украинских говоров приднепровских или левобережных, как некоторые хотят теперь, – это был бы поступок страшно вредный, ошибочный, опасный для всего нашего национального развития»[14].

Грушевского энергично поддержали соратники, прежде

всего галичане. Уже в следующем, после окончания публикации статьи Нечуя-Левицкого, номере журнала «Україна» с ответной статьей выступил галицкий деятель М.Пачовский. Он заявил, что население российской Украины (т.е. той части Малороссии, которая входила в состав Российской империи) – «несознательное». Российские украинцы называют себя русскими, интересуются русской литературой и даже не затронутые влиянием русской культуры крестьяне считают свои говоры «мужицкой» разновидностью русского языка. Ни украинского общества, ни украинской национальной жизни в российской Украине нет, «только будто в чужом краю по углам работают единицы»[15]. А потому, уверял галичанин, приоритет в создании для Украины отдельного литературного языка должен принадлежать не Приднепровью или Левобережью, а «национально сознательной» Галиции. О том, что «украинская национальная сознательность» насаждается в Галиции австрийскими властями, М.Пачовский при этом умалчивал.

С Пачовским солидаризировался другой галицкий деятель – В.Гнатюк, объявивший, что разговорный язык российских украинцев засорен «русизмами», а «украинский литературный язык в России попросту гибнет под игом российщины»[16]. Среди писателей, язык которых попал под русское влияние, Гнатюк называл Ивана Котляревского, Григория Квитку-Основьяненко, Тараса Шевченко и, разумеется, Ивана Нечуя-Левицкого. Последнего галицкий деятель обвинил еще и в употреблении полонизмов. Гнатюк делал вывод, что украинский литературный язык просто обязан опираться не на говоры российской Украины, а на говоры галицкие, «намного более чистые»[17]. Правда, признавал он, галичане употребляют «и полонизмы, и германизмы, но, во-первых, их не очень большой процент, а, во-вторых, они больше всего

проявляются в лексике, а это еще не большая беда»[18].

Нашлись у Грушевского сторонники и внутри Российской империи. Так, видный деятель украинского движения И.М.Стешенко (занимавший впоследствии пост генерального секретаря (т.е. министра) просвещения в правительстве Центральной Рады) выступил с объемной статьей (изданной в виде брошюры), посвященной языковым спорам. По мнению Стешенко, «национально сознательные» галичане просто вынуждены были взяться за создание нового литературного языка, поскольку в российской части Украины никто этим заниматься не хотел. Российских украинцев, сокрушался он, «даже сознательных патриотов», вполне устраивал русский литературный язык, и в сочинении еще одного литературного языка «не было нужды, потому что для него не было аудитории». «И вот, – продолжал далее Стешенко, – галицкие литераторы берутся за это важное дело. Создается язык для учреждений, школы, наук, журналов. Берется материал и с немецкого, и с польского, и с латинского языка, куются и по народному образцу слова, и все вместе дает желаемое – язык высшего порядка. И, негде правды деть, много в этом языке нежелательного, но что было делать?»[19].

Впрочем, уверял Стешенко, язык получился «не такой уж плохой». В том, что он непривычен для украинцев, нет ничего страшного. «Не привычка, – указывал он, – может перейти в привычку, когда какая-то вещь часто попадает на глаза или вводится принудительно. Так происходит и с языком. Его неологизмы, вначале "страшные", постепенно прививаются и через несколько поколений станoвятся совершенно родными и даже приятными»[20]. В Галиции, напоминал украинский деятель, новый язык тоже был принят не сразу, но после введения в школы распоряжением австрийских властей с течением времени «сросся с душою галичан, стал ее содержанием. Может, плохим? Не спорю. Но содержанием – единственно возможным»[21].

Поддержал Грушевского и литератор М.Ф.Левицкий, выступивший в 1909 г. со статьей в редактируемом Грушевским журнале «Літературно-науковий вісник» («Литературно-научный вестник»). Левицкий подверг критике «этих странных "патриотов" и "тоже малороссов", которые считают себя непогрешимыми знатоками украинского языка и требуют непременно, чтобы украинский литературный язык был обязательно таким же, каким говорят люди в их Свинюхах и Жабинцях»[22]. Не называя по фамилии И.С.Нечуя-Левицкого, но явно подразумевая прежде всего его, М.Ф.Левицкий упрекал «многих наших писателей», которые, «пусть не прогневаются на меня, имея большой талант писательский, не очень хорошо знают язык наш и не очень заботятся о чистоте его»[23].

Сторонник Грушевского заявлял, что главной ошибкой разработчиков украинского литературного языка является не их стремление отмежеваться от русского языка, а то, что отмежевываются они от него недостаточно. Левицкий предлагал сконцентрировать усилия именно на борьбе с употреблением «москализмов». В то же время он соглашался, что некоторые претензии к украинскому языку не лишены оснований. В частности, некоторые неологизмы «не совсем удачные»[24], многие галицкие слова не понятны жителям Левобережья («Харьковский крестьянин начнет читать какое-нибудь издание львовское и бросит книжку, скажет, что она "не по нашему написана"»[25]) и др.

Выход Левицкий видел в том, чтобы создать при Украинском научном обществе (организованном в Киеве националистами под председательством того же

М.С.Грушевского) специальную комиссию, которая заменила бы неудачные слова на другие, лучшие.

Стоит заметить, что впоследствии М.Ф.Левицкий поменял свои взгляды. Продолжающийся крах попыток распространения в Малороссии украинского литературного языка вынудил литератора спустя три года вновь публично высказаться по языковому вопросу. В педагогическом журнале «Світло» («Свет») он опубликовал (правда, на этот раз под псевдонимом) новую статью. Теперь уже не критикуя И.С.Нечуя-Левицкого, а, наоборот, называя его в числе знатоков народного языка, М.Ф.Левицкий поддерживал позицию известного писателя (даже послал ему эту свою статью в знак солидарности).

В статье констатировалось, что упреки в непонятности украинского литературного языка слышны отовсюду, им недовольны как интеллигенция, так и народные массы. И недовольство это небеспочвенно. «Наш литературный язык имеет дефекты, болеет»[26], – признавал Левицкий. Он отмечал значительную засоренность украинского литературного языка галицизмами и полонизмами, наличие в нем неудачно сочиненных неологизмов, указывал на непродуманность реформы правописания. Вместе с тем литератор по-прежнему требовал дальнейшего очищения языка от «москализмов», которые «также досадны и нежелательны»[27].

Несколько по-иному подошел к проблеме языка И.И.Огиенко (в то время – молодой ученый, а впоследствии довольно известный деятель украинского движения). Он решил исследовать, «как читают и пишут по-украински наши крестьяне, что им читать и писать легче, что тяжелее, какие написания им понятны, какие нет»[28]. И.И.Огиенко проводил исследования в Радомышльском уезде Киевской губернии, привлекая крестьян различного возраста и уровня образованности. Результаты исследований оказались для националистов неутешительны. Выяснилось, что новое украинское правописание крестьянам непонятно, читают они «на русский лад»[29]. Кроме того, крестьяне «родные слова, читая, частенько перекручивают на русский лад: слово "дівчинка" читали "девочка", "читання" – "чтение" и т.п.». Вообще же украинский литературный язык оказался народу непонятен. «С простыми, короткими словами еще так-сяк справляются, подумавши, но слова длинные, мало им понятные – всегда путают, ломают и не понимают, что они означают». Когда же исследователь стал уверять простых людей, что напечатанное – это и есть их «родной язык», крестьяне только удивлялись: «Трудно как-то читать по-нашему»[30].

Исследования Огиенко фактически полностью подтвердили тезис И.С.Нечуя-Левицкого о том, что украинский литературный язык в том виде, в каком создали его Грушевский с помощниками, – чужд и непонятен огромному большинству украинцев. Однако, заявлять об этом открыто молодой ученый не стал, да и не имел такой возможности, поскольку журнал, в котором была опубликована его статья, редактировался самим Грушевским. Огиенко ограничился лишь указанием, что украинское правописание нуждается в улучшении, и выразил надежду, что настанет время, когда можно будет внедрять украинский язык в голову мужика через школу (как в Галиции). «Тогда и книжка на нашем языке будет ему родной и крестьянин не будет пугаться нашего правописания»[31], – уверял исследователь.

Поддержал позицию И.С.Нечуя-Левицкого (правда, с оговорками, укоряя его за резкость) и крупный деятель украинского движения Д.И.Дорошенко. «Когда рождалась новая украинская пресса, – отмечал он в статье, опубликованной в газете "Дніпрові хвилі" ("Днепровские

волны"), – то, по правде говоря, мало кто обращал внимание на то, "каким языком писать", потому что считали, что народ массами бросится к своему печатному слову и что наши газеты будут выходить в десятках тысяч экземпляров. В этом довелось разочароваться, как и во многом другом»[32].

Дорошенко указывал, что созданный в Галиции украинский литературный язык испытал на себе «очень сильное влияние языка польского и немецкого»[33]. Поэтому, подчеркивал украинский деятель, можно было предполагать, что этот язык «не очень-то будет пригоден для широких масс украинского народа в России»[34].

Процитировав далее слова Грушевского, что отказываться от этого «созданного тяжкими трудами» языка было бы страшно вредным поступком для украинского «национального развития», Дорошенко замечал: «С мнением уважаемого нашего ученого можно было бы совсем согласиться, если бы не одно обстоятельство, что очень уменьшает силу его доказательств: с украинской книгой и газетой приходится обращаться не только к небольшому обществу "сознательных украинцев", которые все равно будут читать, каким бы языком и каким бы правописанием ни печатать наши издания; будут читать кривясь, ругаясь, но будут читать, как читали перед тем книги и газеты, напечатанные в Галиции. Дело в том, что приходится обращаться к широким массам интеллигенции и простого народа на Украине. Давая им украинскую газету, говорим: "Читайте, это ваше родное, это для вас понятное, это не такое, как все то, что вы до сих пор по-чужому читали!". И что же выйдет, если тот, к кому вы обращаетесь, скажет: "Нет, это не по нашему; правда, оно похоже на наше, но много что тут разобрать нельзя". Проф. Грушевский говорит, что нужно учится украинскому языку, потому что "все учатся своему родному языку". Разумеется, надо учиться, чтобы владеть хорошо языком письменно и устно. Однако же язык должен быть таким, чтобы его понять можно было без специальной подготовки, чтоб, не считая тех чужих ученых слов, которые не понятны каждому неученому человеку в каждом языке, можно было разобрать смысл»[35].

Дорошенко призывал учитывать разницу между положением украинского языка в Галиции и в российской Украине. В первой – распространение этого языка поддерживает правительство. Во второй – не поддерживает. «У них (галичан. – *А.К.*) действительно можно издать декрет и будут слушаться, как когда-то было с правописанием. А у нас?»[36].

«Если дать теперь нашему крестьянину, – продолжал он далее, – такую книгу, которая написана хоть украинским языком, но крутым, с галицкими словами и формами, то он ее не разберет или еще скажет, что уж московскую книжку ему легче понять, чем такую украинскую. Что же тогда нам делать?»[37].

Выход украинский деятель видел в том, чтобы, создавая украинский литературный язык, не торопиться очищать его от «русизмов», поскольку это можно будет сделать потом. Пока же, говорил он, нужно постепенно «приучить народ к своему родному слову»[38].

Фактически солидаризировалась с Нечуем-Левицким (хотя и не называя его фамилии) и украинская писательница Елена Пчилка. Касаясь наличия в украиноязычной прессе большого числа неологизмов, она подчеркивала, что само по себе создание тружениками пера новых слов – явление естественное: «Писатели имеют право творить слова по необходимости, преобразовывать язык по требованию своей мысли, своего замысла; но все-таки тут должна быть определенная мера». «При создании

неологизмов, – продолжала Пчилка далее, – наш писатель не должен далеко отходить от народной основы, от корней и обычных форм своего народного языка – для окончания разных слов, для складывания их вместе и т.п. Тут не следовало бы пренебрегать законами языка народного». Между тем, замечала она, эти законы как раз и нарушаются: «Наш газетный язык полон неологизмов, но не в том еще дело, что это новые слова, а в том, что они плохие, плохо созданные. Язык получается неряшливым, сухим, полным чужих, или неудачных, даже непонятных слов»[39].

Таким образом, несостоятельность украинского литературного языка признавалась самими деятелями украинского движения. Они уповали только на то, что придет время, когда этот язык **можно будет навязать народу силой**, с помощью государственной власти. В те годы, когда велась полемика (1907–1914), такие надежды казались несбыточными фантазиями. Мало кто предполагал, что ожидает страну через несколько лет…

---

[1] *Тищенко-Сірий Ю.* Перші наддніпрянські українські масові політичні газети. Нью-Йорк, 1952. С. 4–5.

[2] *Єреміїв М.* За лаштунками Центральної Ради: (сторінки зі спогадів) // Український історик. 1968. № 1-4. С. 95.

[3] *Тищенко-Сірий Ю.* Указ. соч. С. 5.

[4] Там же. С. 6.

[5] Цит. по: *Грінченко Б.* Тяжким шляхом: (про українську пресу). К., 1912. С. 52.

[6] *В.Ст.* Українська політика // Дзвін: збірник. К., 1907. С. 239.

[7] Сніп. 1912. 18 (31) березня.

[8] *Королів-Старий В.* «Розмови про мову» // Рідна мова. 1939. № 7–8. С. 291.

[9] *Дорошкевич О.* Естет і поміщик // Життя й революція. 1925. № 11. С. 66.

[10] *Мацюк Г.П., Панько Т.І.* Питання української наукової мови в системі поглядів М.Грушевського // Мовознавство. 1991. № 6. С. 5.

[11] *Нечуй-Левицький І.С.* Сьогочасна часописна мова на Украіні // Україна. 1907. № 2. С. 197.

[12] *Нечуй-Левицький І.С.* Криве дзеркало украінськоі мови. К., 1912. С. 7.

[13] Там же. С. 63.

[14] *Грушевський М.* Про українську мову й українську справу. К., 1907. С. 8.

[15] *Пачовський М.* Літературна мова на Украіні // Україна. 1907. № 4. С. 63.

[16] *Гнатюк В.* В справі нашої літературної мови // Діло. 1913. 25 марта.

[17] Там же. 28 марта.

[18] Там же. 25 марта.

[19] *Стешенко І.* Про українську літературну мову. К., 1912. С. 15.

[20] Там же. С. 8–9.

[21] Там же. С. 15.

[22] *Левицький М.* Де-що до справи про вкраїнську письменницьку мову // Літературно-науковий вісник. 1909. № 8. С. 239.

[23] Там же.

[24] Там же. С. 251.

[25] Там же. С. 248.

[26] *Пилипович (Левицький) М.* Де-що про сучасну стадію розвитку вкраїнської літературної мови // Світло. 1912. Грудень. С. 28–29.

[27] Там же. С. 37.

[28] *Огієнко І.* Як селяне читають і пишуть по вкраїнськи: (матеріали до питання про вкраїнський правопис) // Літературно-науковий вісник. 1909. № 8. С. 506.

[29] Там же.

[30] Там же. С. 510.

[31] Там же.

[32] *Жученко М. (Дорошенко Д.)* Про українську літературну мову // Матеріали з історії національної журналістики

Східної України початку ХХ століття. К., 2001. С. 230.
[33] Там же. С. 228.
[34] Там же. С. 229.
[35] Там же. С. 232–233.
[36] Там же. С. 233.
[37] Там же. С. 234.
[38] Там же.
[39] *Пчілка О.* Наша нова літературна мова // Рідний край. 1909. № 3.

А.М.Нургалиева (Алматы)

О ВЛИЯНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРОЦЕСС ИСЛАМИЗАЦИИ КАЗАХОВ В XVIII–XIX вв.

Историография XVIII – начала XX в. накопила немало сведений о характере российской политики в отношении ислама в Казахстане и ее эволюции, о религиозной ситуации в степи. Большинство российских и зарубежных авторов, писавших о казахах и затрагивавших тему мусульманской религии, отмечали их слабую исламизированность (С.Б.Броневский, И.Гейер, А.К.Гейнс, И.Г.Георги, Ф.И.Герман, А.И.Левшин, А.Микин, Е.Росс, Ф.Скрайн, Л.А.Словохотов, А.Сотников, И.П.Фальк, П.Фредерикс). Вместе с тем в литературе отмечалось нарастание уровня исламизации казахов-кочевников после включения Средней Азии в состав Российской империи (М.И.Бродовский, Б.Даулбаев, Н.С.Лыкошин, Г.Н.Потанин).

Покровительство российского правительства в отношении ислама в Казахстане российская историография XVIII – начала XX в. оценивала как ошибочную политику. К таким выводам приходили видные востоковеды В.В.Бартольд, В.В.Григорьев, А.Н.Харузин. Более успешное распространение ислама при русском владычестве уже в XIX в. с осуждением отмечал и М.И.Бродовский.

В зарубежных исследованиях этого периода можно выделить разные характеристики российской конфессиональной политики. Негативно правительственную политику в отношении ислама оценивал британский политик У.Гладстон. Особенную роль российского правительства в «обращении казахов в мусульманство» признавал и